

II. VARIA

В. В. ВАЛЬЧЕНКО

О ХАРАКТЕРЕ АРГУМЕНТАЦИИ В РЕЧИ ЛИКУРГА ПРОТИВ ЛЕОКРАТА

Ликург — государственный и политический деятель IV в. до н. э., приобретает известность как оратор, беспощадно преследующий по суду людей, чьи личные интересы расходились с интересами государства со времени поражения союзных греческих войск при Херонее (338 г. до н. э.). Характеризуя Ликурга с этой стороны, его биограф пишет: «Он все время пребывал у афинян в доброй славе и считался настолько справедливым (*δίκαιος*), что и в суде ссылака на Ликурга, по общему мнению, могла оказать помощь защищаемому» (Ps.-Plut., Vit. X orat., 841 F). В другом месте своего сочинения об ораторе тот же автор подчеркивает нравственную чистоту и порядочность (*ἐπιεικής*) Ликурга (Ibid., 842 F). Большую ценность имеют суждения современников о характере судебной деятельности Ликурга. Гиперид, представляющий противную сторону на процессе Евксениппа по отношению к Ликургу, тем не менее отзывается о нем с большой почтительностью и прилагает к нему тот же самый эпитет (Нурег., Pro Eux., III, 12). Демосфен, обращаясь в своем письме к афинскому народу с просьбой о заступничестве за невинно осужденных детей умершего Ликурга, напоминает согражданам о высочайшей справедливости оратора в делах судебного преследования (Dem., Epist., III, 6).¹ Все эти свидетельства древних при оценке Ликурга в качестве общественного обвинителя, как кажется, должны играть если и не определяющую, то хотя бы направляющую роль. И это положение является тем более справедливым, что к настоящему времени мы располагаем только одной обвинительной речью Ликурга, в то время как об остальных известно лишь по заглавиям и скудным фрагментам. Таким образом, основной материал для решения вопроса о характере практической дея-

тельности Ликурга-оратора дает нам речь против Леократа.

Существо судебного дела Ликург представляет в следующем виде. Леократ, состоятельный афинский гражданин, при первом известии о поражении при Херонее снарядил корабль и поспешно бежал на Родос. По прибытии на остров он распространял лживые слухи о захвате Афин и осаде Пирея. После того как его обман был раскрыт, он вынужден был опять бежать, на этот раз в Мегары, где долгое время проживал на правах мектека и занимался морской торговлей, ввозя хлеб из Эпира в Левкаду, а оттуда в Коринф. Через семь-восемь лет, когда в Афинах установилась мирная жизнь, Леократ вернулся на родину. Ликург, узнав о возвращении Леократа, привлекает его к судебной ответственности, обвиняя в предательстве. Процесс происходит незадолго до знаменитого процесса Ктесифонта в 331—330 г. (Aesch., III, § 252).

Поставим вопрос, на основании каких законов обвинитель инкриминирует Леократу предательство? В первую очередь обращают на себя внимание два постановления народного собрания (Lys., § 16, 37), привлекаемые Ликургом в качестве документальных источников. Рассмотрим эти документы с точки зрения содержания, способа введения их в речь и их отношения к данному судебному делу. Приступая к рассказу о событиях, послуживших поводом для судебного процесса, Ликург концентрирует внимание судей на обстановке в Афинах, после того как туда пришла весть об исходе сражения: «Когда произошла битва при Херонее, и вы все сбежались в народное собрание, народ принял постановление доставить детей и женщин из сельской местности под защиту стен, стратегам расставить сторожевые посты из афинян и остальных живущих в Афинах, как им покажется нужным» (Lys., § 16).

Бесспорно, постановление касалось всех жителей города за исключением рабов. В этом не сомневался даже К. Редантц,² впервые подвергший резкой критике правовую сторону речи. Ф. Бласс,³ восприняв взгляды К. Редантца на всю речь в целом, указывает на инструктивный характер псефисмы без угрозы наказания для военнообязанных. Еще дальше пошел в своих построениях Ф. Дюррбах,⁴ считая, что постановление было принято после побега Леократа, а следовательно, вообще не распространялось на него. Беспочвенность этого вывода очевидна. Никаких данных для сопоставления времени побега обвиняемого и времени опубликования псефисмы у нас нет. Тем не менее попытки ученых лишить документ законной силы имеют под собой реальные основания. Во-первых, мы сталкиваемся с отсутствием четкой юридической квалификации содеянного. Вместо этого Ликург ограничивается лишь общим указанием на то, что Леократ, не обратив никакого внимания на слова постановления, отправился в плавание, тем самым оставив свой сторожевой пост на стене (Lys., § 17). Без сомнения, оратор относит это

деяние к *δοσρατα* и *λεποταξία*, которые были вписаны им в исанглию (Luc., § 147). Во-вторых, текст постановления в передаче Ликурга оставляет впечатление недосказанности, что вообще нехарактерно для документа. И это позволяет нам сделать весьма естественное предположение о том, что оратор приводит только некоторые пункты постановления⁵ и останавливает свой выбор на тех фактах, которые более всего могли действовать на чувства слушателей. Таким образом, для Ликурга важнее было воскресить в памяти судей события, следовавшие за Херонеей, создать определенный эмоциональный настрой, вызвать сочувствие к бедственному положению государства и гнев к предателю, чем вдаваться в тонкости юридического свойства.

Тем же целям служит и постановление Гиперида, текст которого зачитывался в суде (Luc., § 36). Комментируя документ, Ликург подчеркивает серьезность и значительность момента. По предписанию постановления Совет обязан в полном вооружении отправиться в Пирей; при этом объявлялась всеобщая мобилизация, рабам предоставлялась свобода, изгнанники призывались на родину, лишенные гражданской чести становились полноправными гражданами (Luc., § 37—41) ([Dem.], XXVI, 11; Rutil. Lup., I, 19; Ps.-Plut., Vit., X orat., 849 A).⁶ Как кажется, для обвинителя не составляло особых трудностей обратиться документ против подсудимого. Однако хорошо видно, что он сознательно избегает апелляции к постановлению: «Хочу вам напомнить, в какое время и в каких опасностях Леократ предал город» (Luc., § 36). И это объясняется не только тем, что, может быть, постановление, действительно, было принято после отъезда Леократа. Скорее всего, оно ко времени настоящего процесса не имело законной силы, ибо позднее, когда начались переговоры с Филиппом о мире, Гиперид был обвинен Аристокитом в противозаконии и, вероятно, из-за предложения освободить рабов едва избежал обвинительного приговора (Ps.-Plut., Vit., X orat., 848 F).

Обвиняя Леократа в предательстве, Ликург, несомненно, имеет в виду слова третьего постановления, приводимого им: «Кроме того, народ, считая происходящее ужасным, принял постановление: бегущие от опасности, угрожающей отечеству, виновны в предательстве и достойны крайнего наказания» (53). Весьма обобщенная и беглая ссылка оратора на этот документ дала повод ученым рассматривать постановление как принятое *post factum*, а тем самым вообще отрицать законность обвинения.⁷ То, что Ликург приводит здесь только один пункт псефисмы, не вызывает ни у кого сомнений.⁸ Однако зададимся вопросом, к какому более точному времени могло бы относиться это событие и нельзя ли связать его с одним из постановлений, используемых оратором? К 338 г. относятся лишь два постановления, разобранные выше. Вряд ли такой пункт могла содержать не дошедшая до нас целиком псефисма Гиперида.

На это нет ни малейшего намека ни у Ликурга, ни у других авторов.⁹ Остается первое постановление. Выше уже было отмечено, что ему как раз недостает логической завершенности. В самом деле, просто невероятным мыслится положение, при котором граждане и метеки имели бы возможность для выезда в тот самый момент, когда на стратегов возлагалась обязанность их привлечения к охранной службе. Между тем в речи против Афиногена (Luc., § 29—33) Гиперид свидетельствует, что накануне Херонейской битвы был принят закон, запрещающий метекам покидать город во время войны. По-видимому, такое запрещение при возникновении непосредственно близкой опасности должно было распространяться не только на метеков, но и на граждан. Демосфен несколько раз упоминает о постановлении Каллисфена (Dem., XVIII, 36; XIX, 86, 125), по которому ввиду ожидаемой осады города афиняне в 346 г. вынуждены были свозить детей и женщин из деревень под защиту стен.¹⁰ Текст псефисмы сохранился (XVIII, 37—38).¹¹ В одном из пунктов постановления говорится о том, что никому из граждан ни под каким предлогом не позволялось в ночное время отлучаться из города или Пирея даже за пределы стен. Если нарушившие постановление не представляли оправдания своего отсутствия, то подлежали наказанию как за предательство. Будь это место бесспорным, оно давало бы нам хорошую точку опоры для предположения о том, что в сходных ситуациях принимались сходные меры (ср.: Xenoph., Hell., II, 2, 4; Andoc., fr. 4; Diod. Sic., XVII, 4, 6; Just., XI, 3) и что оба сообщения Ликурга, как о запрете выезда из Афин, так и об укрытии детей и женщин, относятся к единому народному постановлению, принятому сразу же после первого известия об исходе сражения. Вместе с тем удовлетворительно объяснялось бы и то обстоятельство, что Леократ пытался именно оправдать свой отъезд из города (Luc., § 55), а не указать на несостоятельность правовой аргументации противника, как следовало бы ожидать при выводе о том, что все законодательные акты, привлекаемые обвинителем, появились в отсутствие обвиняемого.

Для подкрепления нашего предположения укажем еще на следующие моменты, представляющиеся нам важными. Ликург, охотно цитирующий не только писателей, но и все документы, даже относящиеся к далекому прошлому, единственное исключение делает для рассматриваемых сообщений (Luc., § 16, 53). Оба они даются в свободном пересказе оратора и относятся к одному и тому же времени. Ни в том, ни в другом месте нет упоминания имени автора предложения. Все это наводит на мысль, что сведения, передаваемые оратором, восходили к единому документальному источнику. Кроме того, автором предложения, по-видимому, был никто иной как сам Ликург, который, как и Гиперид, не принимал участия в сражении, оставаясь в Афинах (Luc., Pauc., 42). Очевидно, как раз поэтому мы на-

блюдаем стремление оратора остаться в тени, не подчеркивать и без того хорошо известный факт. И это очень похоже на скромного Ликурга. Достаточно указать хотя бы, что, напоминая судьям об осуждении ими ареопагита Автолика, он ничего не говорит при этом о себе, инициаторе этого процесса (52). Итак, подытоживая сказанное, отметим, что пункт документа, определяющий эмиграцию граждан как предательство, по всем признакам был составной частью постановления, принятого на первом народном собрании после Херонейской битвы, и, следовательно, мог служить достаточным основанием для привлечения Леократа к суду.

Что касается юридической квалификации, то Ликургу, кажется, вообще несвойственно было подолгу задерживаться на правовых вопросах. Так, выступая вместе с Демосфеном на процессе против скандально известного Аристогитона, Ликург, хотя в его обязанность (как держащему речь первым) и входило подробное изложение правовой стороны дела, тем не менее недостаточно ясно и четко осветил причины применения *ἐνδείξις* в данном случае (Dem., XXV, 69). Его речь против Автолика, как говорит автор *ἐπιθέσις* к речи против Леократа, была очень похожей на последнюю. Свидетельства и сохранившиеся фрагменты показывают, что речи Ликурга были переполнены теми средствами убеждения, которые Аристотель (Rhet., I, 2, 1356 с., Dionys. Hal. De Lys., 19) называет *ἐπιτεχνοὶ πίστεαι* — доказательствами, предназначенными для эмоционального воздействия на слушателя. У Ликурга они играют доминирующую роль по сравнению со всеми другими аргументами. В этом и заключается одна из черт индивидуальной манеры красноречия Ликурга. Вместе с тем просмотр судебных обвинительных речей, имеющих политическую окраску (*δημόσιοι*), показывает, что ораторы не всегда проявляли заботу о тщательной разработке юридической аргументации. Такими примерами могут служить XII и XIII речи Лисия, XIX речь Демосфена; то же самое можно сказать о трех обвинительных речах Динарха, произнесенных на процессе Гарпала. Во всех этих случаях проявляется одна реальная тенденция: любым способом доказать прежде всего сам факт преступления. Так, Демосфен, обвиняя Эскина в недобросовестном исполнении посольских обязанностей, опирается в юридическом отношении на одно-единственное постановление (Dem., XIX, 276), восходящее ко времени Коринфской войны и в значительной мере используемое им как пример отношения к подобным людям в прошлом, не потому, что он не имел в своем распоряжении других правовых аргументов, а потому, что преступление Эскина по существу было недоказуемым.¹² Не возникает сомнений, что и для Ликурга доказательство факта преступления восьмилетней давности¹³ представляло особые трудности. Защита Леократа, состоявшая из влиятельных и красноречивых людей (Лус., § 135—140), выдвинула те-

зис о том, что отъезд обвиняемого был связан с торговыми делами. На это Ликург отвечает возражением, что подсудимый принес бы гораздо больше пользы государству, встав на его защиту вместе с другими (Лус., § 57). Разумеется, ни этот аргумент, ни другие (Лус., § 55—58), построенные на основании вероятного, не могли иметь решающего значения. Против этого довода защиты у Ликурга, несмотря на очевидность своекорыстных действий Леократа, кажется, вообще не было ни свидетелей, ни доказательств. По сообщению Эскина (Aesch., III, 252), голоса судей разделились поровну,¹⁴ и Леократ был оправдан. Кроме указанного обстоятельства на исход процесса мог оказать влияние и ряд других привходящих моментов. События, сопряженные с судебным делом, ко времени судебного разбирательства потеряли свою актуальность. Настроения афинян этого периода ясно отразились в замечании Диодора — *Ἀθηναῖοι μὲν οὖν παρὰ πάντας τοὺς ἄλλους Ἕλληνας ὑπὲρ Ἀλεξάνδρου προτιμώμενοι, τὴν ἰσχυρίαν ἔχον* (Diod., Sic., XVII, 62, 7; ср.: Plut., Dem., 24; Gell., II, 9). Между тем привлечение Леократа к суду за измену в неблагоприятных для обвинителя условиях свидетельствует не только о высоком патриотизме оратора, но и о решительном нежелании радикально настроенной части афинской демократии мириться со всякого рода предателями, с которыми в значительной мере ассоциировалась потеря Грецией независимости. В этом смысле факт судебного процесса против рядового гражданина приобретает широкое общественное и политическое звучание.

Итак, анализ текста речи показывает, что в правовом отношении обвинение оратора было достаточно обоснованным. Отсутствие детально разработанной юридической аргументации, как и формальное оправдание Леократа, следует связывать не со слабостью правовых позиций Ликурга, а с особенностями данного процесса.

Примечания

¹ В новейшее время подлинность демосфеновских писем (1—4) устанавливает Голденштейн (Goldenstein J. A. The letters of Demosthenes. New York and London, 1968, p. 104, 133—157, 214).

² Rehdantz C. Lykurgos' Rede gegen Leokrates. Leipzig, 1876, S. 13.

³ Blass F. Die attische Beredsamkeit, Bd. III, Hbbd. 2. Leipzig, 1880, S. 86.

⁴ Durrbach F. 1) L'orateur Lycurgue. — Étude historique et littéraire. Paris, 1890, p. 156; 2) Lycurgue. Contre Leocrate. Fragments. Paris, 1932, p. 27.

⁵ Правдоподобной представляется гипотеза о том, что автором предложения был Ликург. См.: Meier M. H. E. Commentatio de vita Lycurgi. Halis Saxonium, 1847, p. 32; Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. 2 Aufl., Bd. III. Leipzig, 1887, S. 7, Anm. 2; Durrbach F. L'orateur Lycurgue, p. 153, N 2.

⁶ Baiterus I., Saupprius H. *Oratores Attici*, vol. II. Turici, 1850, p. 280—281; Schaefer A. *Demosthenes und seine Zeit*, Bd. III, S. 9—11.

⁷ Durrbach F. *Lycurgue. Contre Leocrate. Fragments*, p. 28; Burrrt J. O. *Minor Attic orators*, vol. II. London, 1954, p. 9; Meyer-Laurin H. *Gesetz und Billigkeit*. Weimar, 1965, S. 32.

⁸ Уже Бёнеке (Boehnecke F. *Forschungen auf dem Gebiete der attischen Redner*, Bd. I. Berlin, 1849, S. 548) считал автором постановления Ликурга.

⁹ Не видно, из чего исходят Эд. Метцнер и К. Редантц, относя сообщение к псефиме Гиперида. См.: Maetzner Ed. *Lycurgi oratio in Leocratem*. Berolini, 1836, p. 176; Redantz C. *Lykurgos' Rede gegen Leokrates*, S. 47.

¹⁰ О событиях 346 года см.: Beloch K. J. *Griechische Geschichte*, Bd. III, Abt. I. Berlin—Leipzig, 1922, S. 513; Clodé P. *Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne*. Paris, 1937, p. 118.

¹¹ Этот документ, как и все прочие в речи «О венке», считается позднейшей интерполяцией. Однако автор имел перед собой, по-видимому, какой-то подлинный источник. Во всяком случае события, отраженные в тексте, вполне могли иметь место в период после завоевания Филиппом Фокиды. См.: Weil H. *Demosthenes. Les plaidoyers politiques de Démosthène*. Paris, 1877, p. 438; Lipsius J. H. *Das attische Recht und Rechtsverfahren*, Bd. I. Leipzig, 1905, S. 48; Modrzej A. *Real-Encyclopädie der Altertumswissenschaft*, s. v. *Μητιφιλος*, Bd. XV, Hbbd. XXX, 1932, col. 2279—2280; Treves P. *Les documents apocryphes du Pro Corona*. — *Les études classiques*, 1940, t. IX, N 2, avril, p. 138—174.

¹² Жебелёв С. А. *Демосфен*. Берлин, 1922, с. 82.

¹³ В данном случае срок давности не принимался во внимание. — См.: Wolff H. J. *Die attische Paragraphe*. — *Graezistische Abhandlungen*, Bd. II. Weimar, 1966, S. 94.

¹⁴ Lipsius J. H. *Das attische Recht und Rechtsverfahren*, Bd. II, S. 31.

Б. Л. ГАЛЕРКИНА

«ТИМОН, ИЛИ МИЗАНТРОП» ЛУКИАНА (его социальные истоки и художественная форма)

Диалог «Тимон, или Мизантроп», написанный в 165—170 гг. н. э., относят к группе Менипповых произведений с ярко выраженной кинической направленностью.¹ Впервые на него обратил внимание Ф. Бертрам в 1906 г., посвятив ему свою диссертацию.² После этого более 50 лет диалог «Тимон, или Мизантроп» не вызывал специального интереса. Лишь в 1965 г. появилась статья В. Шмида в связи с опубликованием «Дискола» Менандра,³ и в том же году Виктор Мартен опубликовал новый папирус, приобретенный в Каире в 1950 г.⁴ Как показывает издатель, перед нами кинизированные философско-моралистические произведения, относящиеся, по-видимому, к середине II в. н. э.

Основные положения, затронутые в диалоге, — стремление к одиночеству (Tim., 43; ср. 7),⁵ отрицание понятия Родины (43) и человеконенавистничество (44). В вновь найденном папирусе много призывов к жизни в одиночестве среди природы